

Александр Тиранин

И не мог уже остановиться. Вспоминал песни и мелодии, которые умел играть некогда, подбирал новые.

Стемнело. А Иван все играл да играл. Играли да дивился: вот ведь чудо какое! Три проволочки да ящик, а через них всю душу человеческую выскзвать можно — и радость и горе, и печаль и уталь. А всего-то всего — три проволочки да ящик, из дочек склеенный. Где же тут не чудо? Все чудо!

Детишки сладко сопят. Ворочается и, будто во сне, кряхтит и вздыхает жена. И Иван притомился. Сожалением оторвался от балалайки. Вышел на крылью, постоял, растирая заболевшие с непривычки к долгой игре пальцы. Улыбнулся месяцу, алмазившему иней на пожухлой осенней траве, — теперь у него своя балалайка. Хорошо!

Проснулся Иван чуть свет — и за балалайку.

— Воды б сперва наносил, — укорила жена.

— Наносится.

— Само не наносится. Да сена корове дай.

— Успеется.

Склонился к балалайке и ко всему остальному на свете глухим и слепым сделался. Лишь балалайку слышал. И видел только то, о чем она рассказывала.

— Иван, да есть у тебя совесть или нет? Скотина голодная, непосенная, на всю деревню орет, а он знай себе забавляется. Вздохнул Иван, повесил на гвоздь балалайку и пошел за водой. Воды наносил — дров принести нужно. И сена корове дать. Там и другие неотложные дела сыскались. Пока упрашивался с ними, уж вечер поздний и устал крепко — не до балалайки.

«Ничего, — успокоил себя Иван, — завтра.»

Но ни завтра, ни послезавтра, ни через неделю, ни через месяц не удалось Ивану взять балалайку в руки.

«Веда, однако ж! Да ладно, зимой работы не так много, вдоволь налечуешься.

Зима наступила.

— Иван, дров только-то на эту зиму. А на будущую ни полена не останется. Съездил бы.

— Съездил, — поморщился Иван, жаль ему отрываться от балалайки.

— А летом избу перестраивать собирались, лес надо.

— Успеется.

— Да что ты, полуутя греклятый, заладил одно и то же: успеется да сделается! А делать когда будешь?

— Не мешай.

— Не мешай! — Жена, разводившая огонь в печи, винтом

Балалаеник

Еще мальчишкой выучился Марьян играть на балалайке. Но в руки давно уж не брал: своей не было, а просить у кого-то совестился. И вот — купил. Долго на нее по полуночке да по конечке откладывал. И в лавке долго трогал струны у разных балалак, выбирая такую, чтоб не бренчала — пела.

Но жена, увидев приобретение, всплыла:

— Да есть у тебя ум в голове — цацки покупать? У старшенькой рукава по локоть и валенки лишь на босу ногу лезут...

— Купится.

— Надо ж, богатей какой выискался! На что купишь?

— Будем живы, найдем на что.

— Ты найдешь! Найдешь опять на забаву потратить.

— Ну, хватит, раскудахталась. На стол лучше собери.

Посбедал Иван. И хотя кожа зудела от негерпения, сходил в хлев, посмотрел корову с нетелью и борова. Если бог даст, корова отелится благополучно, то за телка и нетель жеребеночка взять можно. А коня заведет да новый дом отстроит — будет Иван не какой-то Ванька-Безлошадный, а Иван Иванович, человек солидный и уважаемый.

Вернулся в избу. Жена посуду моет. Обхватил ее теплый стан, прижал на секундочку к себе.

— Надо ж, разнежился, транжира, — проворчала жена. Но проворчала не по сердцу, а для порядка.

Однако Иван уже оставил ее.

Торжественно распаковал он балалайку. Оттер инструмент полотенцем, сел на лавку возле окна, устроился поудобнее. Попробовал напрять:

На зеленом на луту...

Не то. А если так:

Стоят девушки в кругу...

Лучше!

У них ленты широки,
Все девчата хороши!

взвилась к Ивану: — Я те помешаю! Я эту дрыгалку сей же час в щепки изломаю и песь разостлю.

— Посмей только, — пригрозил Иван.

— Да ты рехнулся никак? Где ж это видано — от балалайки отстать не может! Снятил, как бог свят — спятил!

И заплакала, запричитала, прижав к себе четырех сопливых погодков:

— Ой, лихонько мне, люди добрые, христы-спасители! Да как нам дальше-то жить — крыша дырявая, углы обвалились и на зиму дров ни полена...

Прижал Иван струны ладонью. И впраямь, углы сгнили и крыша насквозь светится. Надо избу новую, надо в лес ехать.

А в лесу сейчас хорошо. Тако. Далеко слышно, где какая птаха пискнет, где дятел дробь выбьет...

Не заметил, как ладонь струны отпустила, пальцы их коснулась и балалайка про зимний лес заговорила:

«...Сорока, предупреждая лесных жителей о чужаке, застремилась, снег заскрипел — лесоруб приехал. Звонок его топоря в лицом морозном утре. А лисгвенинка не шелохнется, уверна в своей мощи и непобедимости. Но вот дрогнула ее вершина, закачались ветви и — уах! — грохнулась могучим телом оземь. И следующая — уах! А за нея еще одна, и еще...»

Потом о строительстве дома рассказала балалайка Ивану: «...Дом рубят. Весело переговариваются топоры. Разноголосо, но старательно поют пилы. Увесисто ухаст здоровенный деревянный молот, бревна осаживает, чтоб стены лучше тепло сберегали.

Вот и готов дом. Довольный хозяин и радостная хозяйка переступают порог нового жилища. Приятно ступить босыми ногами по прохладным, медового цвета доскам пола. Приятно щекочут ноздри запах смолы. Воробей чикает, выставив нос из-за палинника, — и для истохоромы...»

— Иван, весна уж на дворе. Пахать, сеять надо!

Но Иван промолчал. А о весне повела разговор балалайка:

«...Солнышко еще пежаркое, ласковое, и возле него, не боясь обжечь крыльшки, жаворонок порхает, песню свою поет. Пласти жирной сочной земли, покрустывая, отваливаются от лемеха. Ребяташки босиком по ложне бегают, вскрикивают и смеются: колко босиком, отвыкли ноги за зиму...»

— Иван, на сенокос собирайся...

— Иван... Иван... Иван...

Пришла осень. А за неей и зима-прибирауха.

Да много ли на зиму запасов наготовишь, если ртов в доме

шесть, а рук в хозяйстве пары, и те бабы. Поднять же на руку Ивана, оторвать его от балалайки — давно отважась. И чтоб как-то с голоду не помереть, уносила из дома все, и что хлеб давали. И осталось, в избе — стол да скамья, книжка в красном углу да дежонки, что на себе надето.

Весной снова взялась за Ивана — может, обраумится, в развале хозяйства: нетель за долги отдана, корову привезли — зимой от бескорынцы погибала, изгородь дровами в печко сторела, дом, того и гляди, по бревнышку раскатится, и дети в рванье ходят — и холодно, и людейстынь...
— Образуется как-нибудь, — буркнул в ответ Иван.
Проклята жена свою долю, собрала в узелок, какие уцелели, пожитки, завернула икону в платок.

— Ухожу я, Иван.

— Ага.

— Совсем ухожу. И детей с собой забираю.

— Куда? Зачем? Что ты сие подумала?

— Ребят кормить, одевать надо. Гадо их на ноги полни-мать. А как? На то, что люди из жалости дают, детей не вы-растишь, спасибо им великое уже за то, что зимой с голоду помереть не дали. Истыльно при живом, здоровом мужике милостыней жить. Вот и пойду, пока руки работу дюжат.

— Ну, это ты совсем не дело затеяла! — в сердцах засуетился Иван. — Что я, и в самом деле, калека исмощный? Рук у меня нет, что ли?

— Есть руки, кто спорит. Да что с них проку, если от балалайки оторвать да к делу приложить не хочешь!

— Отчего не хочу? Просто не получается, некогда.

— Вот и я про то.

— Придумаем что-нибудь. Как-нибудьобразуется, наль-дится.

— Не наладишь, так не наладится. А чтоб за дело взяться, тебе балалайку оставить нужно. Да разве ты согласишься...
— Зачем оставлять? Хозяйство подзапустил... Конечно...

— Но не так все страшно. Найду время, подправлю...
— Ох, Иван, Иван... И рада бы поверить, да сердце не веет. Не велит верить, пока балалайку не бросишь.

— Да как я могу бросить ее, подумай! Чем жить тогда буду?

— Раньше-то не умирал! — загорячилась жена. Но осен-лась тут же и грустно и спокойно добавила: — что тебя уго-ривают. Надоело. Все надоело. И угоноривать тебя надоело, и ругаться с тобой надоело. Бесполезно. Вот тебе последнее мое слово: хочешь, чтоб остались, — уноси со двора эту зверю,

эту чуму погибельную. А нет — тогда живи как знаешь и нас не поминай лихом.

Иван шевелил губами: надо что-то сказать, а слов не отыкивалось. Боялся он — уйдет жена, с ней дети. Уйдут родные, любимые люди, и он в том виноват...

И с надеждой думал: может, к лучшему? Что он для них?

Рот лишился да бельмо на глазах.

А пойдут куда? Идти-то куда им от своего дома!

Глянул Иван на детей, и под ложечкой захолодело: ножки лучинками, глаза в темные круги прорвались, а носики между ними остренькие, будто клювушки торчат. И жена не краше, как лист осенний высокая.

Отложил балалайку; погоди, не до тебя пока.

Переехал Иван в новый дом. Теперь не грех и балалайку в руки взять. На дворе живность разная. В хлеву корова сеном сладко хрюкает, молоко нагуливает. Недешево стояла, зато хороша кормилица: ведро за раз дает, и молоко густое, что твои сливки.

Нет, что ни говори, а руки у Ивана есть и к делу приложит их умсерт. Хозяйской сноровки тоже не занимать. Наметил прошлой зимой корову купить — купил. Наметил к этой в новый дом перебраться — вот он дом, живите, пожалуйста.

Конечно, не без людей все делалось. И денег взаймы дали, и советом, и делом помогли. Но за спасибо Иван ничего, считай, не принял — все отработал. Ни зимой, ни летом отдыха не знал, зато теперь у него и дом и двор. Хотя с домом «гоп» говорить рановато — стены с крышей еще не дом. Вот обставит его Иван подобающей мебелью, даст надлежащий вид внутри и снаружи, тогда можно сказать: дом. Но за это зимой возвращаться. А сейчас надо в город везти то, что в хлеву и на огороде для продажи выращено. На хозяйство копейка нужна. Сын подрастает, и три дочки за ним тянутся. Не заметишь, как пора настанет из родительского гнезда упорхнуть. А свадьбы пойдут — кошелек держи нараспашку и только поворачивайся с ним, чтоб перед людьми в грязь лицом не ударить...

Очнулся Иван и не друг сообразил, что с ним. За окном темно, звезды по небу роятся. А играть садись, когда солнце едва к закату поклонилось. Да играл ли? Может, только поддержал балалайку в руках? Ах нет, в пальцах под кожей будто мураши скребутся, значит играл. Но что, убей его на месте, и то, наверное, не вспомнит. Руки играли. А голова о хозяйстве пеклась.

От такой игры ни отдыха душе, ни сердцу отрады. Одна

выбрал Иван гвоздь помагарее, вбил в стену и повесил на него балалайку: подожди еще малость...

Славно все вышло у Ивана.

Дом, что внутри, что снаружи, — загляденье. Не дом, а терем из сказки. Сына женил — свадьбу нестыдно вспомнить. И за дочерьми приданое дал — нестыдно людям в глаза посмотреть.

Хлопот меньше стало. И день свободный выдался. Снял со стены балалайку:

— Дождалась, голубушка!

Сел Иван на скамью к окну и... нет музыки — пальцы не слушаются. И так сидился, и этак пробовал. Не слушаются, и все тут.

— Экое горе!

Повесил обратно на гвоздь балалайку и от досады и оторчения заходил по избе. Походил, походил и успокоился — жизнь свою он все-таки не даром прожил. Ведь как старики говорили: если сына вырастил, дом построил да дерево посадил, так и жизнь не напрасно прожил. А Иван не только сына, но и трех дочек вырастил, дом поставил — всей деревне на звисть, я деревьев его руками без счета сажено. Так что долг свой перед людьми и Богом с лихвой исполнил. И отдых заслужил.

Отдохнул Иван дома, на двор вышел. Двор обошел и на крылье посидел, от бесседелья отдохнул.

Скучно...

По хозяйству чем-нибудь заняться? Нужды особой нет, а пуще желания. Хватит, наработался за свою жизнь. Чего надлежит, по совести сделал. Дети устроены, своим хозяством живут и в достатке. Есть Ивану чем гордиться, есть чему радоваться.

Скучно только.

Вот бы на балалайке сейчас поиграт! Да руки... Эх, руки, руки!

Тоскливо...

И пошел Иван туда, где лекарство от тоски продают на вынос и распивочно. И тропинку протоптал. А умерла жена — и заросла тропинка: не выходил уж Иван оттуда.

— Иван Иваныч, с чего ты к горькой пристрастился? — удивляются односельчане.

— В доме достаток, от людей уважение — чего тебе горевать? — недоумевают они.

Молчит Марьин. Поначалу объяснял, мол, на балалайке не сыграть, руки не слушаются. Всю жизнь душой к ней тягата времени.

Белла Улановская

нулся, минуты дождался. А подошла минута — и руки не слушаются. Обидно...

— Из-за балалайки? — пожимают те плечами. — Разве можно? Дом чаша полная, сына в люди вывел, у дочек мужья — хозяева крепкие и люди почтенные. Дай бог каждому так жиць завершить. Блажишь ты, Иван.

А Иван только голову ниже опускает да стакан с сивухой крепче сжимает.

Как им ответить, как объяснить, что ему еще одно, и, видно, главное, назначение в жизни выходило: на балалайке играть. И раз не исполнил того назначения — должник он перед людьми, преступник перед Богом.

И не найти ему покоя, не получить прощения,

Ушел Иван от этих расспросов, в которых видел больше укор, а подчас и насмешку. Пробился к дому сквозь заросший крапивой да кипреем двор. Сыро и жутко в некогда уютном теплом доме, сделался он прибежищем пауков, летучих мышей и прочей нечисти.

Тошно здесь одному..."

Сына или дочек навестить? Зачем? У них все хорошо, не нужен он им. Никому он теперь не нужен, ни людям, ни себе. Снял балалайку со стены, ухватился за гвоздь, на котором висела, потянул. Крепкий еще, пожалуй выдержит.

Прошел в чулан. Среди известившего хлама отыскал ветровку. Дернул раз, другой, посильнее. Нет, только с виду добра — истлела. Взял другую.

В полутемном закутке чулана послышались возня и сопение.

Пригляделся. Там, завернувшись в тряпье, спал мальчионка лет десяти.

— Ты чай будешь? — разбудил его Иван.

— Ничай. Сирота я.

— Взялся-то откуда?

— У бабки Дикунки жил, да она померла.

— А к Дикунке как попал? — И, не дождавшись ответа,

спросил: — Руки у тебя целы?

Мальчионка осмотрел свои руки. И с недоумением глянул на Ивана:

— Цели.

— Поднимайся, пойдем, — распорядился Марьин.

В избе указал на балалайку:

— Играть на ней умеешь?

— Не знаю. Не пробовал еще.

— Вернись, прорубой. Я подскажу, как буду.

Альбиносы

Еще не сняты сетки от комаров в форточках, еще висят последние яблочки, еще не вскопан огород, а мы достаем лыжи и смело сдем в лес.

Не видно дроздарей, запорошило рыбину, затягивается се-рым льдом озеро. Свеженький белячик проковылял по перво-путку. На просеке встретилась захудалая гончарка, принюхала сахар, чуть прикусила в шутку рукав и пошла и снова искалечь потерявший у канавы с водой след.

По болотам еще не пройти — под снегом и тонким льдом вода.

Гончарка, дроздарь — из разговоров вслух сама с собой. Дроздарии — это из прошлых охот — висели на рябине — часа-ми выцеливались — этого, нет, воин того, или подождать, когда вместе сойдутся, тогда сразу двух, медленно поднимают ствол — все улетели, последние испуганно проносятся над прудом, и нет стаи.

Еще вчера здесь верещали дрозды, остервенело набрасыва-лись на пыльные гроздья. Раскачивались под жирными тушка-ми тонкие стволы, ломались ветви, сыпались ягоды; сейчас здесь пусто и тихо, на земле беспомощно торчат припрощен-ные снегом черные птицы лапки обглоданных кистей рябины, кое-где уцелели на них сморщенные ягоды.

Березы еще не облетели — что за яркое и редкое время. Хорошо выйти утром с ружьем на плече — слышишь не только все вокруг, но и видишь себя со стороны: кажется, не-плохо, все ладно пригнано, все справно и тепло.

Проза должна притворяться интересом к действительно-сти, обрастиать событийностью, часто будто бы иничтожной, слишком конкретной, в прозе есть кладовые, лестницы, сараи, погреба, задвижки, замки, печки, поленицы, топоры, сквореч-ники, заборы, мышеловки, коты, собачьи будки, возможно, даже коровы; парадные комнаты, где зимой не топят, и душ-ные спальни, где запираются хозяева в холодное время.

Что тут самое главное — сени, где стоит кадушки мерзлой капусты, или вид из оконка в сад, на реку, плотину и зареч-